

УДК 811.161.1'37:82-1

DOI 10.37972/chgpu.2021.110.1.008

Е. Ю. Муратова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Аннотация. В статье анализируются стихи в модусе связи лингвистики и поэзии. Современную поэзию отличают не только новые темы и видение мира, но и во многом иной поэтический язык. Анализируются разные взгляды ученых на поэтический язык. Заметной особенностью современных поэтических текстов является употребление лингвистических терминов, названий частей речи, синтаксических конструкций и под. в качестве полноправных художественных элементов стихотворения. На материале стихов М. Цветаевой, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Д. Бурого и др. доказывается, что лингвистические термины могут выражать филологическое мышление поэта, становясь живой частью его стихотворений, и способны специфически отражать картину мира, мировоззрение и человеческие эмоции. Приводится подробный филологический анализ стихотворения А. Вознесенского «Плач по двум нерожденным поэмам».

Ключевые слова: *творчество, филологическое мышление, лингвистические термины, поэма, языковые средства.*

Е. Yu. Muratova

ARTISTIC EXPRESSION OF PHILOLOGICAL THINKING IN POETIC TEXTS

*Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus*

Abstract. The article analyzes poems in the mode of communication between linguistics and poetry. Modern poetry is distinguished not only by new themes and visions of the world, but also by a largely different poetic language. The paper also analyzes different views of scientists on the poetic language. A notable feature of modern poetic texts is the use of linguistic terms, names of parts of speech, syntactic constructions as full artistic elements of the poem. Basing on the material of poems by M. Tsvetaeva, A. Voznesensky, B. Akhmadulina, D. Burago, etc. it is proved that linguistic terms can express the poet's philological thinking, becoming a living part of his poems, and are able to specifically reflect the picture of the world, worldview and human emotions. Moreover, the article provides a detailed philological analysis of A. Voznesensky's poem "Lament for Two Unborn Poems".

Keywords: *creativity, philological thinking, linguistic terms, poem, language means.*

Введение. Мышление – это способность человека думать, анализировать, сопоставлять, выявлять и связывать образы, представления, понятия. Существует философское, мифологическое, религиозное и другие типы мышления, каждое из которых представляет собой определенную систему взглядов, обусловленную особым мировоззрением и специфической картиной мира [10]. Сложно точно определить, что значит выражение «филологическое мышление», которое сейчас активно употребляется в научных исследованиях, но на уровне лингвистической интуиции каждый филолог понимает его особенность

и специфику. Находит ли такое мышление отражение в поэзии? Цель данной статьи – попытаться ответить на этот вопрос.

Актуальность исследуемой проблемы. Современную поэзию отличают не только новые темы и видение мира, но и во многом иной поэтический язык [8]. Творчество многих современных поэтов, таких как Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, И. Бродский, Д. Пригов, А. Левин, Л. Лосев и др., ориентировано на активный языковой поиск и языковые преобразования, которые открывают глубинные свойства русского языка. Современный поэтический язык часто реализуется как сложное отражение действительности и самовыражение творящего сознания. Статья касается одной из актуальных и интересных проблем современной поэзии – специфики ряда текстов, которые пишутся филологами и для филологов.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили тексты и поэтические цитаты Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, М. Цветаевой, Б. Пастернака, Д. Бурого. Использовались описательный метод и метод филологического анализа поэтического текста

Результаты исследования и их обсуждение. Любой настоящий поэт, как нам представляется, является и филологом в его изначальном значении «любящий слово», а поэты – самые внимательные к языку люди. «Они не просто пользуются словами, они изображают слова – забавляясь и философствуя, выражая удивление, неприязнь, или радуясь новому слову как открытию» [7].

Но и сам поэтический язык – это язык особого рода. Дискуссия об особенностях поэтического языка и его «соположении» по отношению к литературному языку не окончена до сих пор. В. В. Виноградов утверждал, что особой системы поэтической речи не существует [4, с. 141]. С ним соглашался Г. О. Винокур: «... нет такого факта поэтического языка, каковой факт не был бы известен и вне поэтического контекста, как явление языка вообще. Но в этом новом, поэтическом качестве каждая языковая дата приобретает особые свойства ...» [5, с. 391]. Такой взгляд на поэтический язык не разделял Б. В. Томашевский, который был убежден в том, что в языке действительно есть все, что есть в поэзии – кроме самой поэзии [11].

В. П. Григорьев утверждал: «Поэзия нужна не как демонстрация норм литературного языка, а для проникновения в особо важное, сложное и неясное для человека, в то, что иными средствами, чем средства поэтического языка, и не может быть полноценно названо» [6, с. 63, 66]. Кроме того, поэзия, как считал И. Бродский, «колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» [3, с. 16].

Заметной особенностью современных текстов является употребление лингвистических терминов, названий частей речи, синтаксических конструкций и под. в качестве полноценных художественных элементов стихотворения. Приведем отдельные короткие примеры: *Юлит глагол, накрапывал пунктир строки, бесчинствует мой почерк и срамится, неграмотная кровь, пунктир тысячелетий. Люблю, что слова чистого глоток, как у скворца, поигрывает в горле* (Б. Ахмадулина). *Я тоскую по сильным глаголам* (А. Вознесенский). *Великий читатель поймет / и прелесть отсутствия вкуса, / и великолепье длиннот* (Е. Евтушенко). 1. *Я прощаю сверстникам двуличье / в двуязыком омуте хлопот.* 2. *Наше братство гинет за столами, / образуя речевую сыпь.* 3. *Впереди сплошные междометья. / Позади предательство и блеф.* 4. *Страну, в которой выжили, / кириллицей отмерили.* 5. *И из этого почти что, / как сюжет из рукава, / выбегает к вам мальчишка, / спотыкаясь о слова.* 6. *Цветочная тропа ведет по залу, / Выводит иероглифы вокала.* 7. *Был месяц-снегопад. Дорога от дороги / в первичный звукоряд сбивается в итоге* (Д. Бурого).

Само слово *стих*, *стихотворение*, входящее в канву произведения, отражает особый тип литературной ментальности у поэтов: 1. *Стих занимался и старел.* 2. *Стих обещал.*

3. Я нырну за стихом. 4. Опасен свободно гуляющий в небе / упущенный и неприкаянный стих (Б. Ахмадулина). Как детский поцелуй, / спокойно дышит стих (Б. Пастернак). И гасишь желтые мишени / на перепадах ударений, / на перепутьях горловых. / И повторяешься до Блока / в глухом отчаянье порока, / петлей закручивая стих (Д. Бурого). Стихи не пишутся – случаются, / как чувства или же закат. / Душа – слепая соучастница. / Не написал – случилось так. (А. Вознесенский).

Поэты как интуитивные лингвисты часто сами дают характеристики отдельным словам, при этом возникает ощущение, что поэт воспринимает слово как живое существо. В этом плане уникальны характеристики слов у М. Цветаевой, которая может *любить, обожать, ненавидеть, презирать* конкретное слово: «Чиновничество. Какое жуткое слово. Какая – от Акакия Акакиевича до министра его же ведомства – вычеркнутость из живых ... А какие унылые наименования: коллежский асессор, титулярный советник, надворный советник, статский, действительный статский» [12, V, с. 255]. «Не ищите в этой книге “интимности”. Это, вообще, низкое слово» [12, V, с. 247]. «Написав слово “цензор”, вдруг осознала: до чего само римское звучание соответствовало Брюсову! Цензор, ментор, диктатор, директор, цербер ...» [12, IV, с. 30]. «Была бы я в России, все было бы иначе, но – *России* (звука) нет, есть буквы: СССР, – не могу же я ехать в *глухое*, без гласных, в свистящую гущу» [12, VI, с. 366].

Филологическое мышление ярко проявляется в стихотворении А. Вознесенского «Плач по двум нерожденным поэмам»:

Аминь.

Убил я поэму. Убил, не родивши. К Харонам!

Хороним.

Хороним поэмы. Вход всем посторонним.

Хороним.

*На черной Вселенной любовниками
отравленными
лежат две поэмы,
как белый бинокль театральный.
Две жизни прижались судьбой половинной –
две самых поэмы моих
соловьиных!*

*Вы, люди,
вы, звери,
пруды, где они зарождались
в Останкине, –
встаньте!
Вы, липы ночные,
как лапы в ветвях хиромантии, –
встаньте,
дороги, убитые горем,
довольно валяться в асфальте,
как волосы дыбом над городом,
вы встаньте.*

*Раскройте, гробы,
как складные ножи гиганта,*

вы встаньте –

Сервантес, Борис Леонидович,
Браманте,

вы б их полюбили, теперь они тоже останки,
встаньте.

И Вы, Член Президиума Верховного Совета
товарищ Гамзатов,

встаньте,

погибло искусство, незаменимо это,

и это не менее важно,

чем речь

на торжественной дате,

встаньте.

Их гибель – судилище. Мы – арестанты.

Встаньте.

О, как ты хотела, чтоб сын твой шел чисто
и прямо,

встань, мама.

Вы встаньте в Сибири,

в Москве,

в городишках,

мы столько убили

в себе,

не родивши,

встаньте,

Ландау, погибший в косом лаборанте,

встаньте,

Коперник, погибший в Ландау галантном,

встаньте,

вы, девка в джаз-банде,

вы помните школьные банты?

встаньте,

геройские мальчики вышли в герои, но в анти,

встаньте,

(я не о кастратах – о самоубийцах,

кто саморастратил

святые крупицы),

встаньте.

Погибли поэмы. Друзья мои в радостной
панике –

«Вечная память!»

Министр, вы мечтали, чтоб юнгой

в Атлантике плавать,

Вечная память,

громовый Ливанов, ну, где ваш несыгранный

*Гамлет?
вечная память,
где принц ваш, бабуся? А девственность
можно хоть в рамку обрамить,
вечная память,
зеленые замыслы, встаньте как пламень,
вечная память,
мечта и надежда, ты вышла на паперть?
вечная память!..*

Аминь.

*Минута молчанья. Минута – как годы.
Себя промолчали – все ждали погоды.
Сегодня не скажешь, а завтра уже
не поправить.
Вечная память.*

*И памяти нашей, ушедшей как мамонт,
вечная память.*

Аминь.

*Тому же, кто вынес огонь сквозь
потраву, –
Вечная слава!
Вечная слава!*

Ю. М. Лотман рассматривает язык искусства как художественный код, который подлежит расшифровке адресатом. В поэтическом тексте поэт как бы создает свою модель реальности [9].

Своеобразна модель реальности у А. Вознесенского. В данном стихотворении поэт рассматривает жизнь людей через призму не написанных им поэм. Символика лексемы *поэма* – это человеческий Космос, его духовные ценности и духовная нищета, его сила и бессилие.

В стихотворении проявляются два основных хронотопа. Одно пространство – ирреальное с застывшим временем: *На черной Вселенной любовниками отравленными лежат две поэмы, как белый бинокль театральный*. Черная Вселенная – это все несовершенное, нескладанное, непрочувствованное – такая Вселенная есть у каждого человека, разница только в ее объеме.

Другой хронотоп – реальность прошлого и настоящего, который очерчивается разными лексическими средствами. Как писал М. М. Бахтин, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 235].

Историческое время и настоящее время проявляются на уровне личных имен: *Сервантес, Борис Леонидович (Пастернак), Браманте, товарищ Гамзатов, Коперник, Ландау*. Это пространство *Сибири, Москвы, Атлантики, городишек*, в котором находятся *люди, звери, пруды и липы, убитые горем дороги*. Нерожденные поэмы задумывались и зарождались в реальном пространстве, и конкретно – в Останкине, но остались в черной Вселенной. Это осознает и об этом печалится лирический герой.

Сегодня у него действительно несчастье – у него похороны двух самых «соловьиных» его поэм: *Хороним. Хороним поэмы. Вход всем посторонним. Хороним*. Вообще все стихотворение буквально «пропитано» лексикой похорон: *убил, убили, хороним*,

отравленные, убитые горем, гробы, останки, гибель, самоубийцы, погibli, вечная память (это сочетание употреблено в стихотворении 8 раз).

Их гибель – судилище. Мы – арестанты. Мы – обвиняемые в гибели поэм на этом великом суде. Почему? Потому что именно *мы столько убили в себе, не родивши*, не совершили, не преодолели, не смогли, не захотели, не справились. Сколько в черных Вселенных похоронено надежд, замыслов, первоисточков своей натуры; какие мечты, грандиозные планы и намерения лежат там мертвыми. И суд этот праведный, человек получает в жизни то, что заслужил. У А. Блока в письме к З. Гиппиус об этом сказано гениально просто: «Все, что человек хочет, непременно сбудется. А если не сбудется, то и желания не было. А если сбудется не то, разочарование только кажущееся – сбылось именно то» [2].

Но на такие похороны, на такой внутренний беспощадный суд над собой способен далеко не каждый. Всегда можно найти убедительные оправдания всем своим душевным, духовным, творческим, жизненным «бездельям». Лирический же герой нашел в себе силы это осознать, прямо посмотреть в свою душу, все проанализировать, возмутиться и осудить себя, потому что ему стала «мала» его прежняя жизнь. Именно недовольство собой дает человеку силы духовно «вращивать» самого себя, находить свое настоящее «Я», не становиться безмолвной частью безликой массы, не остаться на периферии своей собственной жизни.

Знаменательно, что глагол *Встаньте* в повелительной форме повторяется в стихотворении 15 раз, он звучит как призыв-приказ-просьба всем: не промолчите себя, сумейте пронести огонь сквозь любую потраву в жизни, судьбе, обстоятельствах.

Рассмотрим еще небольшое стихотворение Дмитрия Бураго:

*Я из ливня, из восстанья
перейду на сочетанья,
перейду на третий берег,
где дыханье вяжет вереск,
где степные сухоцветы
останавливают лето,
где царица Сон-трава
раскрывает покрыва
и в глубинах горизонта
плещут невода оконца.*

Как известно, человеческое мышление метафорично, но создавать яркие образные метафоры в художественном произведении – это все-таки, на наш взгляд, элемент мышления филологического. У данного стихотворения свой метафорический код, оно является интересным примером, доказывающим важность контекста для понимания (или приближения к пониманию) смысла стихотворения.

Если рассматривать начальные две строки *Я из ливня, из восстанья / перейду на сочетанья*, сразу возникает философский вопрос лирического героя: что такое мое внутреннее «Я»? Р. Декарт говорил, что тот, кто сможет все рассказать о себе, тот опишет всю Вселенную. Д. Бураго метафорически касается внутреннего «Я»: *ливень* или *сухостой*, *Я – восстание* (за себя, свою личность, свое достоинство, друзей, детей, родителей, Родину) или безмолвное рабство.

Возможность ухода от себя настоящего поэт определяет лексемой *сочетанье*. По сравнению с предложением, фразой, художественной повестью мельче бывает только словосочетание и слово (которые могут быть великими и вечными), но в данном контексте *словосочетание* – это символ мелочности, разменности собственной жизни, которая была

ливнем и восстанием, а оказалась сейчас на пороге всего лишь сочетаний. Но пока этого в жизни лирического героя не случилось. Глагол *перейти* употреблен в будущем времени, лирический герой только собирается на них перейти, но, как кажется, не перейдет, потому что внутренний анализ, критика себя – это верный и главный путь собственного роста, углубления и творческого изменения своего внутреннего мира.

Но если дочитать стихотворение до конца, то его смысл, как нам видится, оказывается совсем другим. Во-первых, о каких сочетаниях говорит поэт? В самом общем плане *сочетание* – это *соединение, расположение чего-нибудь, образующее единство, целое*.

Лирический герой хочет перейти на сочетания и на третий берег, которого в жизни не бывает, но в него хочется верить, потому что там *вереск, степные сухоцветы, Сон-трава*. На третьем берегу простор (*глубины горизонта*), свежий воздух с запахами трав (*дыханье вяжет вереск*), т. е. там физическая и духовная свобода, все проблемы уходят куда-то за горизонт. В таком контексте смысл, какой вкладывает лирический герой в лексему *сочетание*, как нам кажется, – это даже не соединение, а единение себя с природой, с миром, с самим собой. В таком контексте лексемы *ливень* и *восстание* выражают не философскую рефлексию лирического героя, а огромное желание избавиться от всех бывших в его жизни ливней и восстаний и обрести долгожданную душевную гармонию.

Филологический образ мыслей в поэзии может проявляться по-разному. Затронем еще одну особенность поэтических текстов, в которых поэты пытаются передать муки творчества, муки рождения слова. Такие стихи или хотя бы отдельные строки есть почти у всех поэтов. Об этом М. Цветаева писала в «Искусстве при свете совести»: «На сто строк десять – данных, девяносто – заданных: недавшихся, давшихся, как крепость – сдавшихся, которых я добилась, то есть дослушалась» [12, V, с. 47].

Выводы. Филологическое мышление активно проявляется в современной поэзии. Это доказывает особое отношение к слову у многих поэтов, которые наполняют его новыми оттенками смысла, выявляют его ретроспективные и перспективные художественные возможности, открывают потенциальные глубинные смыслы слова. Заметной особенностью современных текстов является употребление лингвистических терминов, названий частей речи, синтаксических конструкций и под. в качестве полноправных художественных элементов стихотворения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
2. Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. – М. : Гослитиздат, 1962. – 771 с.
3. Бродский И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. – СПб. : Пушкинский фонд, 1998. – 119 с.
4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
5. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1959. – С. 388–393.
6. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. – М. : Наука, 1979. – 343 с.
7. Зубова Л. В. Новые слова в поэтическом восприятии // Архив Петербургской русистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/apr/index.htm>.
8. Колларова Э., Кутина Н. А. Русская поэтическая речь сегодня. – Филологический класс. – 2018. – № 3(53) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://filclass.ru/archive/2018/3-53/russkaya-poeticheskaya-rech-segodnya>.
9. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. – СПб. : Искусство, 1996. – 848 с.
10. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
11. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1959. – 279 с.
12. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Эллис Лак, 1994–1995.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021

REFERENCES

1. *Bahtin M. M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. – M. : Iskusstvo, 1986. – 444 s.
2. *Blok A. A.* Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 8. – M. : Goslitizdat, 1962. – 771 s.
3. *Brodskij I.* Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 1. – SPb. : Pushkinskij fond, 1998. – 119 s.
4. *Vinogradov V. V.* Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – 255 s.
5. *Vinokur G. O.* Ponyatie poeticheskogo yazyka // Izbrannye raboty po russkomu yazyku. – M. : Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1959. – S. 388–393.
6. *Grigor'ev V. P.* Poetika slova: na materiale russkoj sovetskoj poezii. – M. : Nauka, 1979. – 343 s.
7. *Zubova L. V.* Novye slova v poeticheskom vospriyatii // Arhiv Peterburgskoj rusistiki [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.ruthenia.ru/apr./index.htm>.
8. *Kollarova E., Kupina N. A.* Russkaya poeticheskaya rech' segodnya. – Filologicheskij klass. – 2018. – № 3(53) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://filclass.ru/archive/2018/3-53/russkaya-poeticheskaya-rech-segodnya>.
9. *Lotman Yu. M.* O poetah i poezii: analiz poeticheskogo teksta. Stat'i i issledovaniya. Zametki. Recenzii. Vystupleniya. – SPb. : Iskusstvo, 1996. – 848 s.
10. Slovar' russkogo yazyka : v 4-h t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. – 4-e izd., ster. – M. : Russkij yazyk ; Poligrafresursy, 1999.
11. *Tomashevskij B. V.* Pisatel' i kniga. Oчерk tekstologii. – 2-e izd. – M. : Iskusstvo, 1959. – 279 s.
12. *Cvetaeva M. I.* Sobranie sochinenij : v 7 t. – M. : Ellis Lak, 1994–1995.

The article was contributed on January 17, 2021

Сведения об авторе

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь; e-mail: mouratova@tut.by

Author information

Muratova, Elena Yuryevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus; e-mail: mouratova@tut.by